

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Медиафилософия II. Границы дисциплины / под ред. В. В. Савчука, М. А. Степанова. — СПб.: Санкт-Петербургское Философское общество, 2009. — 245 с. (333 экз.)

Вышедшему сборнику предшествовала международная научная конференция, проходившая в рамках Дней Петербургской философии 2008. Эти материалы и вошли в рецензируемый сборник, который является вторым томом изданных работ по обозначенной проблематике (первая конференция по медиафилософии состоялась в ноябре 2007 г.). Медиафилософия как актуальное направление гуманитарной мысли акцентирует свое внимание на изучении теории и философии медиа. Организаторы конференции и организаторы сборника осуществляют оригинальные рефлексии в промежуточном пространстве между высокой метафизикой классической культуры и прикладными исследованиями коммуникации в самых разных областях культурного опыта. Это не вторичные или третичные философии, а особый способ фокусирования собственного предмета исследования.

Программным для определения целей настоящего издания представляется интервью с профессором, докт. филос. наук В. В. Савчуком, руководителем исследовательского центра «Медиафилософия», который дает, если позволительно выразиться платоновским языком, «подвижный образ вечности» медиа. Его размышления направлены на существенное: как выстраивают себя медиа в пространстве философии, что может быть предметом ее анализа, какие радикальные конструкции сознания и культуры оказываются в эпицентре исследования медиафилософа. Не проводя четких разграничительных дисциплинарных линий, не выстраивая дополнительных иерархий, автор справедливо показывает, что интерес медиафилософии — в системных эффектах от производства той реальности, которую мы перестаем считать произведенной, медиафилософ, фактически, осуществляет деконструкцию, вскрывая механизмы трансформации реальности в современном мире, подвергая очевидности культуры дополнительной рефлексии, делая исследование более высоким по градусу, однако не в ущерб академической основательности изучения предмета.

Таким образом, можно усилить звучание этой темы, определяя медиафилософию как философию, которая погружает коммуникативные прак-

тики в онтологический контекст вопрошания, уходя тем самым от привычных технологических, количественных моделей измерения коммуникации в сторону ее целостного изучения. В этом смысле, ссылаясь на Хайдеггера, можно ответить, что онтологические основания не могут быть гипотетически выведены из эмпирического материала, они уже присутствуют и тогда, когда эмпирический материал просто еще собирается. Сохраняя онтологический статус изучения феномена человеческой реальности в коммуникации (реальность всех, как заметил проф. В. В. Савчук, а не для всех), мы не упускаем из виду свойства и способы организации этой реальности, она перестает быть для нас только средством, становится непрозрачной, самопроизводящей, замкнутой на самое себя и собственные возможности системой. Эту плазму смыслов, заряженную на собственное расширение и захват чужих территорий, и подвергают мыслительной обработке авторы обозначенного сборника. Социальная природа коммуникации, ее анонимные формы существования в массовой культуре, способности мгновенного размножения реальности способствуют усилению онтологического вектора исследования материала. При этом важно, по мнению авторов, избежать опасности медиафундаментализма, как представляется, эта попытка сохранить собственную проблемность медиапространства, уйти от привычных штампов и клише. Любое междисциплинарное формирование, избегая себя, стремится к созданию синтетических теорий, пока же пространство медиафилософии разнородно, если не сказать, калейдоскопично, но оно живо, искренне в своих оценках, держится неподдельным интересом к заманчивому и увлекательному предпринятию медиа.

Важной представляется эстетическая составляющая представленного сборника. И это не только концептуально интересное фотографическое оформление сборника (можно посмотреть интересные комментарии на этот счет М. Степанова), и соответствующий раздел сборника, сопряженный с медиаэстетикой, но и внутренний вектор развития материала, связанный с осмыслением «цивилизации образа». Полагаю, что искусство представляет собой то пространство, где утверждается целостность восприятия культуры, на территории которого явно представлены все актуальные стратегии освоения действительности.

Подвижность и сверхобостренность восприятия человека мегаполиса рождают эфемерное и текучее пространство эстетического опыта, который и является единственным способом, уравнивающим человека и среду, кодом, раскрывающим особенности эпохи (Дж. Ваттимо). Работая в неэкономном режиме языка, образ разворачивает свое содержание с особой легкостью захвата, действует, расширяя границы, образовывая собственные сцепки и конфигурации. Образ не сообщает, а действует, вступая с нами в ценностные отношения. Вот почему можно быть «одержимым» образом, подпасть под его влияние. Обращение к видимому отсылает к максимально непроблематичным значениям, имеющим институциональную санкцию очевидного. Увидеть — следовательно, понять. (Б. Дубин). Образ, соединенный с текстом, образ, свободный от «ржавчины рефлексии» (Гор Чахал), интенсивный, ускользающий от непосредственного контакта, — все это вездесущие медиумы, посредники, вырезающие из реальности фрагменты, чтобы парадоксально стать носителями культурного синтеза, де-

монстрируя спонтанность, целостность, жизненность восприятия.

Медиакультура создает возможности для их существования не только с точки зрения скорости циркуляции и размножения образов, но и с точки зрения вживления медиальности в сам процесс их конституирования. Это вживание связано не с техническими, но с онтологическими условиями существования образа. Медиа – это не только носители, провайтеры, но и организаторы нашего восприятия (К. Вульф). Мы об этом забываем и конструируем жизнь, исходя из невидимых мест. Но когда мы об этом не забываем, возникает проблема трансляции, проблема видимого и невидимого, пространство, обнаруживающее разломы между тем, что есть и что должно видеть. Тогда возникает вопрос о точке самостояния образа, его подлинности и несфабрикованности. Каким образом можно выявить его онтологическую состоятельность? Здесь же определяются и точки роста образа как состояния его временного расширения. Техническое не дает подобных точек роста, необходимо обратиться к смыслам и способам оживления образа в культуре. И дело не в том, что эстетическое событие и его размерность определяются только в контексте, но и в том, что образ включает в себя опыт мысли, логоса, рефлексии культуры, социальности, тела. Оно отличается интенсивностью режима собственного существования, попаданием в то место, где совпадают история, вкус и переживание по поводу события.

Собственно эти эстетические сюжеты так или иначе задействованы авторами в соответствующих разделах представленного сборника. Авторы анализируют сложные процессы видения как понимания и конструирования актуальной реальности, способы репрезентации экзистенциальных смыслов в культуре, занимаются поисками медиаконцептов и условий их производства в культуре. В целом следует отметить, что авторы проблематизируют логику присутствия медийного образа в культуре, анализируя сферы его восприятия, методологические ресурсы и пространства существования. Другое дело, что сложность представленных территорий заставляет сомневаться в простой встрече с медиальностью, ее все время приходится высвобождать из-под интеллектуальных залежей прошлого гуманитарного знания, искать новые позиции и метафоры, в общем, быть актуальным в точном смысле этого слова.

В целом спектр авторских интересов последовательно представлен в следующих разделах сборника: «Концептуальные подходы к медиафилософии», «Медиа как фактор социо-культурных трансформаций», «Modus Медиа», «Визуальные практики», «Медиаэстетика и медиаискусство». Хотелось бы несколько подробнее остановиться на первом разделе сборника, поскольку он задает концептуальную канву анализируемым медийным событиям.

Проблемное поле медиафилософии в рамках первого раздела, условного, как оговариваются авторы, формируется в рамках представлений об информационном обществе (Панферова В. В., Зверева Ю. И.), в пространстве метафизики (Сивков Д. Ю.), с точки зрения рефлексии дуальных и медиальных структур в культуре (Шайхетдинова С. К.), учитываемая средовые контексты (Науменко О. А.), как эпистемология виртуального мира (Кудряшова Т. Б.), наконец, как онтология пространства (Вульф К.) и опыт предела (Коротков И. С.). Разнородный весьма материал связывает

между собой не только искренняя попытка «разобраться на месте» в концептуальных сложностях медиафилософии, но и желание проникнуть за рамки весьма благоприятно существующих коммуникативных дискурсов.

Ключевой момент осмысления медиа – онтологизация самого феномена коммуникации, который лежит в основании медиареальности. В этом смысле и возможна медиафилософия, которая включает в себя макро- и микроуровни исследования медиа, не игнорируя «смутной конкретности» опыта переживания. Но как бы мы не заклинали эти пространства, мы вынуждены обращаться к представлениям надьиндивидуального опыта культуры как реальности возможного и как реальности действительного. Метафизическое измерение медиа ухватывает сложившиеся порядки общности и различия, а артефакты задают в этой перспективе необходимый символический контекст. Медиа, производящие новые порядки общности и различия, нами не замечаются, они воспринимаются как естественный фон существующего, философия медиа заставляет эти порядки быть проблемными, неопределенными, возникающими и разрушающимися в естественной исторической динамике. Знание, представленное в этом фокусе только непосредственным образом, является, на самом деле, опосредованным, отраженным, отрефлектированным возможными культурными порядками и социальными опытами. В этом зазоре возможного и невозможного, естественного и искусственного и продуктивна медиафилософия как искусство аналитики зазоров, разрывов и ускользаний. Ведь медиа – это шивка, соединение, как только мы рефлекслируем эту связь, мы начинаем ее видеть и понимать.

Вот почему важной представляется тема, исследуемая в представленном сборнике Сивковым Д. Ю. «Медиа и метафизика». Помещая медиа в систему метафизических координат, автор справедливо полагает, что и метафизика запускает работу медиа, и сами медиа осуществляют метафизическую работу. Эта взаимная обусловленность делает невозможными как прямую редукцию к материальным условиям их производства, так и установку на абсолютную автономность медиареальности, рефлексию, производящую медиафундаменталистские установки. И язык Хайдеггера, Гераклита, Гегеля нам тому порукой, он не кажется здесь искусственным, неоправданно расширяющим сферу анализа, хотя, конечно, прежде чем «провалиться» в глобальное измерение субъекта и объекта новоевропейской культуры, хотелось обнаружить и более частные медиальные слои и водовороты значений культуры. Это тоже вычитывается из текста. Если представить медиа как артефакты, как символическое пространство порождения смыслов, то становится понятным постоянный мотив ускользания бытия медиа, ведь на картине, например, кроме холста, выжатых тюбиков краски ничего нет, но мы видим совсем иное, по принципу символа: к одному всегда есть другое. Избыточность этих пространств и рождает иные измерения, взаимоотражения разных сфер.

Органичным в этой связи является продумывание опыта пространства в статье К. Вульфа. Пространство и время относятся к глубинным формам ориентации человека в мире. Пространство связано с телесностью, которая, в свою очередь, символически нагружена. Образы пространства – это образы культуры, задающей свои форматы восприятия, дви-

жения опыта. Так в современной культуре пространство динамично, оно плюральное и гетерогенное, где соединяются локальное и глобальное, рождая новые, уникальные формы переживания человеком близкого и далекого. Действительно, пространство является архетипом современного мышления в связи с переходом культуры в коммуникативное измерение. Но как только мы переводим себя в экзистенциальное измерение, обнаруживаем точки самостояния пространства и человека, мы вынуждены говорить о производности пространства. Пространственность как соседство мест, тел в фокусе их взаимодействия рождает проблемы взаимоувязки временных и пространственных параметров культуры, их установлений, хронотопии.

Следующий сюжет, который хотелось отразить в собственном впечатлении от текста, – это продумывание эпистемологических аспектов медиасреды. Кудряшова Т. В. поднимает важную проблему творческой и креативной нагруженности медиасреды. Действительно, человек, погружаясь в это пространство, часто остается пассивным участником происходящего, поскольку невыносимая легкость бытия не требует постоянной работы души и тела. Отстраненность в смысле неучастия – вот, что создает благоприятный фон для рождения «полуфабрикатов» в широком смысле этого слова. Есть «одержимость» образами, но нет их удержания сознанием, следовательно, отсутствует творческая интерпретация действительности, все задается внешними схемами и чужими опытами. Человек способен понять только то, что он произвел, понял, сделал, такой конструктивизм характерен для всей новоевропейской философии, начиная с Декарта. Если не запущена машина внутренней работы, понимания, страсти, интереса, мы можем сколько угодно вглядываться внутрь, можем питаться многочисленными внешними впечатлениями, не состоится тот разговор души, который составляет основу философской рефлексии. Другое дело, что оппозиции «субъект-объект», «внутреннее-внешнее», которыми оперирует автор, тоже могут быть проблематизированы в этом пространстве: тогда возникает вопрос о внутреннем, которое является внешним, об индивидуальном, которое представляет собой сколок социального, и о том пространстве творческого усилия, в котором, может быть, присутствует лишь искусственная попытка соответствовать устойчивым формам среды. Именно неопределенность, проблемность мира рождает затруднение, неизвестный результат, главное, как совершенно справедливо замечает автор, чтобы человек не стал рабом внешне-медийных обстоятельств. Дух, как и идея, бесконечен, он существует в разнообразных практиках интерпретаций, когда мы подключаем к этой интерпретации страсти души и тела, когда мы не просто участвуем в очередном интеллектуальном приключении мира, но и открываем для себя другие измерения.

В целом, представленный сборник порождает тот необходимый уровень вопрошания, творчества, живого научного интереса, который свидетельствует о жизнеспособном пространстве медиафилософии.

О. В. Костина

*доктор философских наук, профессор
г. Саратов*